

подчинена, иначе говоря, из души, ушедшей из этой жизни, в душу, в ней пребывающую. Подобно этому, человеческая природа переносит человеческую сущность от отца к сыну, сохраняя ее, так как свои проявления она не может навсегда сохранить в отце. Я говорю «проявления», ибо душа и тело, соединенные вместе, являются действием первой; душа, покинув тело, постоянно пребывает в природе, превышающей естество человеческое. Так разрешается вопрос.

И так как здесь я коснулся бессмертия души, я позволю себе небольшое отступление; ведь, рассуждая о бессмертии, хорошо будет закончить разговор о той живой, блаженной Беатриче, о которой я в этой книге, как было мною решено, говорить больше не намереваюсь. Я утверждаю, что из всех видов человеческого скотства самое глупое, самое подлое и самое вредное верить, что после этой жизни нет другой; в самом деле, если мы перелистаем все сочинения как философов, так и других мудрых писателей, все сходятся на том, что в нас есть нечто постоянное. Об этом, по-видимому, и хочет сказать Аристотель в книге «О душе»; об этом же имел намерение говорить каждый стоик, так утверждает и Туллий, особенно в своей малой книге «О старости». Об этом стремится сказать и любой поэт, придерживающийся языческой веры. Так учат и представители разных религий: иудеи и сарацины, татары и многие другие, живущие согласно тому или другому закону. Если бы все они ошибались, последовало бы нечто настолько невозможное, что даже повесть об этом была бы ужасна. Всякий уверен, что человеческое существо самое совершенное из всех других существ в этом дольном мире; этого никто не отрицает. Аристотель в двенадцатой книге «О животных» подтверждает, что человек самое совершенное из всех животных. Несомненно, что многие живущие целиком смертны, подобно неразумным скотам, и, пока существуют, лишены надежды на другую жизнь, но если бы наша надежда была пустой, то несовершенство наше оказалось бы большим, чем любого другого животного. Заметим также, что было уже много людей, жертвовавших этой жизнью ради жизни иной. Если бы самое совершенное животное, а именно человек, оказалось бы самым несовершенным – что невозможно, – его разум, высшее его совершенство, сделался бы для него причиной величайшего его изъяна, между тем очевидно, что утверждать следует как раз обратное. Разве из отрицания бессмертия не следовало бы, что природа вселила надежду в человеческие умы наперекор самой себе, поскольку уже говорилось, что многие выбрали смерть тела, чтобы жить в другой жизни. Предположить что-либо подобное невозможно.

Мы видим также постоянно подтверждение нашего бессмертия в вещих снах, которые не могли бы возникать, если бы в нас не было хотя бы частицы бессмертия. То, что служит откровением истины, должно быть бессмертным, будь оно телесным или бестелесным, если только с должной пронизательностью в это вдуматься, – я говорю «телесным или бестелесным», имея в виду различные мнения, которые мне встречались. Поистине то, что получает импульс или, вернее, сведения от непосредственно осведомляющего, должно быть соразмерно этому осведомляющему, однако между смертным и бессмертным никакой соразмерности не существует. Все это подтверждается непреложным учением Христа, которое есть путь, истина и свет. Путь, ибо через него мы без помех достигаем блаженства этого бессмертия. Истина, ибо она не терпит никакого заблуждения. Свет, ибо он освещает нас во мраке мирского невежества. Учение это вселяет в нас уверенность превыше всех других доводов, ибо дал его нам Тот, Кто видит и измеряет наше бессмертие. Бессмертия же мы не можем видеть в совершенстве, поскольку в нас смертное смешано со смертным, видим же мы его в совершенстве через веру, а через разум мы видим его сквозь мутную тень, которая возникает от смешения смертного с бессмертным. Учение это должно служить самым мощным доказательством в пользу того, что в нас существует и то и другое. Я верую, я исповедую, я убежден, что после этой жизни перейду в другую, лучшую, туда, где живет эта прославленная дама, в которую душа моя была влюблена в то время, когда в ней протекала борьба, как о том будет сказано в следующей главе.

IX.

Возвращаясь к комментарию, я говорю, что в той строфе, которая начинается словами: «Противоречья разрушает он...» – я намереваюсь раскрыть, о чем моя душа рассуждала внутри меня, а именно о борьбе прежних моих помыслов с новыми. И прежде всего я вкратце раскрываю причину ее жалоб, когда говорю: